

Самая жестокая тирания — та, которая выступает под сенью законности и под флагом справедливости.

Шарль Монтескье

Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном.

Октавиан Август Цезарь

Часть I

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДРОНГО

Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

— Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.

И собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?

Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано чрез пророка:

«И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой Израиля».

*От Матфея святое благовествование.
Глава 2, 1—6*

Глава 1

На презентацию съехался весь город. Здесь были известные политики, не менее известные деятели культуры, науки, искусства. Здесь были обычные нахлебники из журналистов, любившие посещать такие места, где можно вкусно и бесплатно поесть. Одна семейная пара приходила

даже на такие презентации с большой сумкой и, по слухам, умудрялась наполнять ее исключительно деликатесами и фруктами, расставленными на столах. Как всегда бывает на многолюдных и шумных сборищах, здесь присутствовало немало людей, которых никто не знал, но которые своим частым мельканием во встречах подобного рода служили уже обязательным атрибутом как необходимые предметы обихода.

На этот раз довольно большое оживление внесло предполагаемое участие в мероприятии лидера оппозиции. Судя по многочисленным опросам населения, он шел далеко впереди президента и мог вполне выиграть уже начавшуюся предвыборную гонку.

И хотя многих из присутствующих совсем не устраивал такой итог предвыборной гонки, тем не менее они, с понятным нетерпением и оживлением, ждали приезда важного гостя. В конце концов, этот неприятный для них тип вполне может выиграть президентские выборы, и тогда с ним не придется больше встречаться на презентациях подобного рода. Поэтому, несмотря на царившее вокруг оживление, все были достаточно напряжены. В большинстве своем собравшиеся здесь люди уже давно и сильно надоели друг другу, и только необходимость поддержания своего реноме вынуждала многих из них принимать подобные приглашения.

Он стоял спиной к большинству присутствующих, по привычке держа в руках стакан с

апельсиновым соком. Он никогда не любил крепких напитков, предпочитая изредка либо хорошее красное вино, либо шампанское. И теперь, разговаривая с болтливым редактором одной из столичных газет, он снова и снова спрашивал себя — правильно ли сделал, согласившись сегодня приехать сюда.

Он уже давно, почти год, не приезжал в Москву, так быстро и неузнаваемо менявшуюся буквально на глазах. Его, с одной стороны, всегда тянуло сюда: Москва была одним из самых любимых его городов. С другой стороны, риск ненужного узнавания был достаточно велик. Более чем велик. И он благоразумно отказывался прилетать в столицу России. И только теперь, спустя какое-то время, принял любезное приглашение главного редактора газеты и дал себя уговорить на участие в подобной презентации. Его отказ мог быть воспринят и с ненужным подозрением, и с явной обидой, когда приехавшего гостя даже не интересуется столь колоритная личность лидера оппозиции, о котором писали практически все газеты и журналы мира. Он работал теперь заместителем редактора одного из журналов, издающихся на бескрайних просторах бывшего Советского Союза, и просто не имел права отказываться.

Именно поэтому он стоял теперь спиной к большинству говоривших и слушал многословный понос главного редактора, так любившего порассуждать на тему морали в политике и счи-

тавшего себя в этом вопросе одним из главных специалистов. Главный редактор даже не очень обращал внимания на то обстоятельство, что его собеседник практически не участвует в беседе, отделиваясь односложными ответами. Его несло дальше. А собеседник, стоявший рядом с ним, иногда посматривал на расположенный справа вход, чтобы достойно улизнуть, как только появится лидер оппозиции и все внимание будет приковано к нему.

Он не услышал, а почувствовал, что к ним кто-то подходит. И это предчувствие не обещало ничего хорошего. Лицо главного редактора мгновенно переменялось. Из-за спины своего собеседника он увидел подходившего. Вместо столь привычной для главного редактора маски наставника-ментора на лице этого провинциального актера появилось некое подобие подобострастия. И, вытянув шею, уже не обращая внимания на своего собеседника, он ласково пропел:

— Евгений Максимович, здравствуйте!

Его собеседник, не изменившись в лице, медленно повернулся. Достаточно медленно, чтобы не выдать своего волнения.

Подошедший к ним министр иностранных дел России протянул свою короткую руку. Главному редактору он просто позволил пожать ее, а вот на его собеседника он посмотрел слишком внимательно, настолько, чтобы тот понял: интерес министра предельно персонифицирован.

— Примаков, — сказал он.

— Вы могли бы не представляться, вас знает весь мир, — попытался пошутить главный редактор, назвав фамилию стоявшего рядом с ним человека.

— Да, наверное, — обрюзгший, постаревший министр внимательно посмотрел на собеседника главного редактора. И вдруг спросил непосредственно у него:

— Как, вы сказали, ваша фамилия?

Он повторил.

— Может быть, — непонятно почему сказал Примаков, — вы никогда не бывали в Таиланде или в Индонезии?

— Нет. — Он почувствовал, что именно сейчас скажет министр, и поэтому внутренне напрягся.

— Странно. Я думал, что видел вас там. У меня был один знакомый, любитель птиц. — Примаков говорил, глядя ему в глаза снизу вверх. И в глазах министра не было сомнения в том, что он узнал стоявшего перед ним человека.

— Сейчас многие увлекаются экзотическими птицами. — Он старался смотреть в тяжелые глаза министра, понимая, что уже уязвим. Министр узнал его.

— Правильно, — глухо подтвердил министр. — Собирают разных птиц — фламинго, цапель, филинов или дронго.

— Что вы сказали? — оживился главный редактор. — О последней птице я не слышал никогда.

— Зато я много слышал, — сказал Прима-

ков. — Я думал, такая птица уже не водится в наших краях.

— Очевидно, это бывают редкие, случайно залетевшие в эти края птицы. — Говоривший эти слова продолжал смотреть министру прямо в глаза.

Примаков снова вздохнул. Он только несколько месяцев назад стал министром иностранных дел страны. До этого он целых пять лет возглавлял самую секретную службу в России — Службу внешней разведки. А так как его связи с предшественником СВР — Комитетом государственной безопасности еще в советские времена ни для кого не были секретом, все знали, что академик-разведчик слишком хорошо осведомлен. И многое знает.

— Вы думаете, что мы с вами не виделись? — спросил министр напоследок, словно пытаясь проверить в последний раз. — Может, где-нибудь в другом месте?

— Нет, — твердо ответил он, — я думаю, вы ошиблись.

— Может быть. — Министр отошел от них, словно потеряв всякий интерес. А главный редактор после секундного замешательства улыбнулся:

— Стареет наш «примус». Уже людей забывать стал. — Его собеседник молчал. Он смотрел в ту сторону, куда ушел министр. В этот момент в зале наступило волнение. Объявили, что подъехали автомобили. Сейчас на презентации дол-

жен появиться лидер оппозиции. Его не любили, и очень многие демонстративно отошли от дверей, чтобы не здороваться с приехавшим. Справедливости ради стоит отметить, что президента любили еще меньше, но многие из деятелей культуры, собравшиеся здесь, искренне полагали, что хрен редьки не слаще. И собирались голосовать на выборах за прежнего президента, полагая, что новый лидер привнесет с собой новую волну перемен и революций.

Официанты разносили на подносах шампанское, когда раздался страшный взрыв. Мигнуло электричество, взрывной волной выбило сразу несколько окон. Послышались истерические женские крики, звон разбитой посуды. И мгновенная тишина. Пришедшие в себя люди испуганно оглядывались, пытаясь понять, что именно произошло.

— Убили! Убили! — громко закричал кто-то с улицы. И все бросились к выходу, еще не осознавая, что произошло. На улице стоял развороченный автомобиль лидера оппозиции. Давя друг друга, случайные прохожие смотрели, как из машины пытаются вытащить трупы погибших.

— Он сам здесь? Здесь? — истерически кричали собравшиеся.

— Нет! — крикнул кто-то в ответ. — Он не приехал! Погиб его секретарь, который привез приветствие. И его водитель с охранником.

Министр иностранных дел, вышедший вместе со всеми, нахмурился и повернулся, ища гла-

зами человека, которого только что видел на презентации. Найдя главного редактора, он подошел к нему.

— А где ваш напарник? — спросил министр.

— Не знаю, — удивился главный редактор. — Куда-то исчез. А почему вы спрашиваете? Он вам нужен?

— Нет, — ответил министр, — возможно, я действительно ошибся. Мне показалось, что я видел его раньше. Иногда так бывает.

— Что вы думаете об этом преступлении? — вспомнил наконец о своем основном ремесле главный редактор. — Как вы можете оценить этот террористический акт? — Он уже представлял заголовки в своей газете.

— Я всегда против любых террористических актов, — туманно ответил министр и, повернувшись, зашагал к своей машине, стоявшей недалеко от места взрыва. Там уже суетились водитель и помощник министра.

— С вами все в порядке? — кинулся к нему помощник.

— Да! — Министр сел в машину и поднял трубку телефона, набирая номер своего бывшего первого заместителя, ставшего теперь вместо него руководителем Службы внешней разведки.

— Добрый вечер. Извините, что так поздно беспокою, — сказал министр. — Только что была попытка покушения на лидера оппозиции. Он остался жив. Мне нужны срочные сведения по

одному человеку. Очень срочные! Кажется, я видел живого Дронго.

— Этого не может быть, — убежденно ответил генерал. — Он погиб в прошлом году.

— Я видел его и даже разговаривал с ним.

— Вы думаете, это он? — В голосе говорившего чувствовалась тревога. — Объявился таким образом?

— Нет, я думаю, это совпадение. Просто он случайно оказался рядом. Дронго никогда не был террористом. Кроме того, я всегда помню, что мне сказал о нем Шебаршин, сдавая дела. Он сказал, что этот человек никогда не ошибается. Его мозг работает как хорошо отлаженный компьютер. А покушение не удалось. Нет, он не замешан в этом деле. Но мне все равно нужны все документы по его операциям. Абсолютно все, — еще раз подчеркнул министр.

Глава 2

Сидевший за столом в светлом просторном кабинете читал газеты. Сообщения были похожи одно на другое. Все газеты сообщали о неудачном покушении на лидера оппозиции. Как всегда, ругали ФСБ, МВД, президента, премьера, всех, кто отвечал за правопорядок в стране. Снова говорили о беспомощности правоохранительных органов, вспоминали нераскрытые преступ-

ления, издевались над следователями, не имеющими никаких результатов.

Он раздраженно убрал газеты. Можно было прочитать одну, чтобы понять, о чем пишут все остальные. Взял карандаш и постучал им по столу. После чего нажал кнопку селекторного аппарата, расположенного слева от него.

— Славина ко мне, — попросил он своего секретаря.

Через пять минут в кабинет вошел подтянутый, выше среднего роста, голубоглазый блондин лет тридцати — тридцати пяти, одетый в хорошо сшитый светлый костюм.

— Вызывали? — спросил он.

— Читали? — вместо ответа показал на ворох газет хозяин кабинета.

— Да, — сказал вошедший. — Я в курсе происходящего.

— И что вы думаете?

— Журналисты получили хороший материал, чтобы потрепать нам нервы.

— Это все, что вы можете сказать? — явно разозлился хозяин кабинета. — Садитесь.

Славин прошел к столу говорившего и сел напротив него.

— Это покушение на убийство — самая настоящая политическая акция, — строго заметил хозяин кабинета. — Надеюсь, это вы понимаете?

— Конечно, понимаю.

— Мы решили создать специальную группу для расследования происшествия. Прокуратура

и МВД ведут свое параллельное расследование, но на них нам рассчитывать нельзя. Мы обязаны провести собственное расследование, доказав, что не зря восстановили следственное управление в нашем ведомстве. Но до того, как следователи примут это дело к своему производству, я думаю, будет правильно, если поработает ваша группа. В конце концов, вы должны показать, как нужно работать.

Славин молчал, ожидая следующего вопроса, который сразу же последовал:

— Сколько человек в вашей группе?

— Сейчас пятеро. Вы ведь знаете, мы провели реорганизацию и решили ограничиться этим числом. Пятеро. По-моему, вполне достаточно.

— По-моему, тоже. Начните самостоятельное расследование и попытайтесь установить, кто стоял за этим преступлением. Какие силы, кому это выгодно? Сейчас, перед президентскими выборами, может произойти любая неожиданность. Мы должны все предвидеть. Вы меня понимаете?

— Конечно, — поднялся Славин. — Мы сегодня начнем расследование этого взрыва.

— Если хотите, я могу позвонить министру МВД, чтобы вас ознакомили с первично собранным материалом.

— Думаю, в этом нет необходимости, — улыбнулся Славин. — Вы ведь правильно сказали, что мы будем лишь дублировать работу друг друга. Я думаю, будет гораздо лучше, если они не будут знать о нашем самостоятельном расследовании.

— Вам вообще не нужны их материалы?

— Конечно, нужны. Но я поговорю с нашими следователями, уже работающими совместно со специалистами из МВД. Ребята будут знать все гораздо лучше.

Хозяин кабинета кивнул, разрешая уйти своему сотруднику. Потом, подумав, взял трубку с большим гербом на телефоне, набрал четыре цифры и коротко сказал:

— Я поручил своим людям провести самостоятельное расследование.

— Они справятся? — спросил голос из трубки.

— Группа новая, но ребята перспективные.

— Хорошо. Видимо, это правильно.

— Что? — не понял звонивший.

— Правильно, говорю, все правильно.

Славин вышел из приемной и, пройдя к лифту, спустился вниз, чтобы выйти из здания. По дороге он зашел в одну из комнат, позвонил в другое здание, где располагались его помощники. Сотрудники его группы никогда не заходили в это основное здание бывшего Комитета государственной безопасности, расположенное в центре города, рядом с «Детским миром». Многие не знали, что в этом здании, являвшемся для всего мира олицетворением тоталитаризма и несокрушимости режима, были расположены лишь вспомогательные службы и некоторые второстепенные отделы. Слева от основного входа, например, располагалась пресс-служба, которой ранее в организации, именуемой КГБ, не было.

Славин получил звание подполковника лишь три месяца назад, когда его группа отличилась на Северном Кавказе, сумев арестовать одного из лидеров преступной группировки, за которым МВД и ФСБ охотились почти полтора года. Сотрудники Славина в основном были еще моложе своего руководителя и являли собой новую генерацию контрразведчиков — талантливых, любознательных, знакомых с компьютерами, имеющих прекрасное образование.

Группа была сформирована всего полгода назад, но, несмотря на это, на ее счету было уже несколько серьезных дел, причем три из четырех порученных группе расследований были проведены в довольно быстрые сроки и неизменно с положительным результатом.

Подполковник Славин ранее работал в «Альфе». Ему шел тридцать шестой год. Четырнадцать из них он провел в контрразведке, после того как, окончив с отличием МГИМО, получил направление во Второе главное управление КГБ СССР. С тех пор он и работал в контрразведке. В восемьдесят девятом году ему повезло. Он был отправлен работать в Ленинград и избежал знаменитых «бакатинских» чисток, когда после августовских событий и ареста генерала Крючкова многие офицеры и генералы посчитали невозможным для себя оставаться на службе, а еще многие тысячи были уволены пришедшим в КГБ «прорабом» Бакатиным. Только в конце девяносто пятого, когда новый руководитель контрраз-